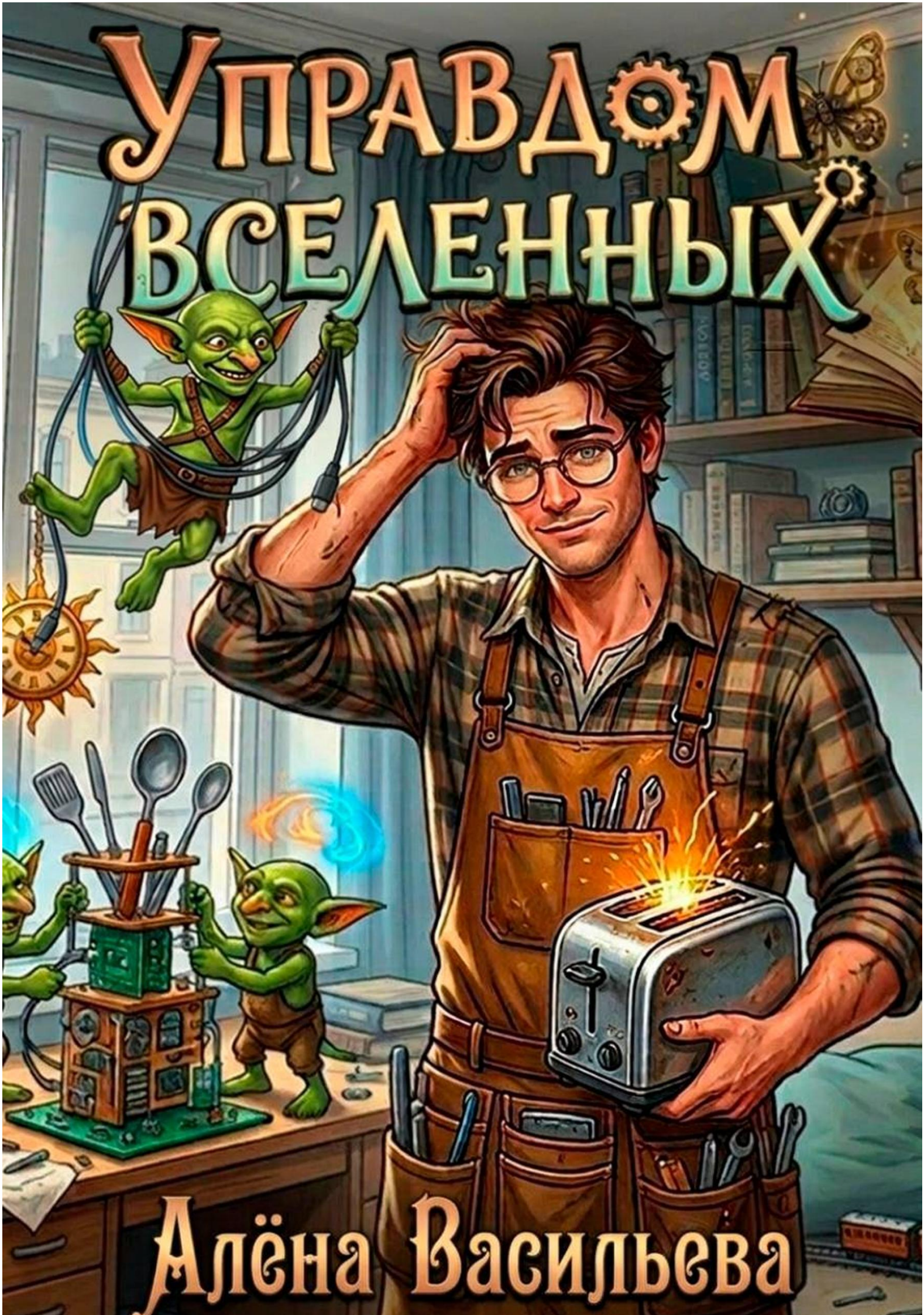

Управдом вселенных
Алёна Васильева

Алёна Васильева

Управдом Вселенных

«Автор»
2026

Васильева А.

Управдом Вселенных / А. Васильева — «Автор», 2026

Инженера Лёву Прохорова назначают управдомом по вселенским аномалиям, когда он случайно ломает константу мироздания при починке крана на коммунальной кухне.Бабкино вязание пытается сожрать всех жильцов, из розетки сочится река Лета, а десятилетняя дочь, Соня, считает, что всё это – большое и классное приключение. Как тут хотя бы с ума не сойти?

© Васильева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 21
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Алёна Васильева
Управдом Вселенных

Глава 1

Видавший лучшие времена кран мерно отмерял тяжёлыми каплями бесценные секунды жизни. Секунды утекали в канализацию, превращаясь в часы, дни и года. Так было всегда, насколько мог припомнить Лёва. Ещё когда жива была бабушка, на кухне старой, но опрятной коммуналки всегда раздавалось размеренное «тюк… тюк… тюк…» воды по металлу.

Вроде бы, кто-то когда-то пытался это безобразие починить. Сердито бубня, колупался в смесителе рукастый сын соседки – бабы Нюры. Печально, как на похоронах, качал головой сантехник из ЖЭК-а. Занимал положенное место новенький, только из магазина, вызывающе-хромированный кран, чуть брезгливо изгибая тонкую шею на фоне простой, обшарпанной обстановки. И снова: «тюк… тюк… тюк…»

Сегодня, впрочем, что-то неуловимо изменилось.

Лёва осознал это, пока стоял перед включённой конфоркой и гипнотизировал взглядом не желающий закипать чайник. Ставший привычным за тридцать лет звук изменил частоту. Нынче капли шлёпались в раковину почти непрерывно, и эта крохотная, казалось бы, перемена отчего-то навевала неодолимую жуть.

Прохоров медленно-медленно повернулся к раковине, чувствуя, как холодные мурашки сбегают по позвоночнику даже быстрее общественной воды. Приблизился. Задумчиво постучал по крану пальцем. С электроприборами это частенько срабатывало. Но сейчас в трубе лишь раздражённо хрюкнуло и закапало ещё чаще.

За спиной, будто укушенная баньши, резко и тревожно заорал вскипевший чайник, и молодой инженер невольно подпрыгнул, на все лады костеря незадавшийся день.

Комната в коммуналке на Петроградской была его крепостью, спасительным ковчегом, где можно было укрыться от раздражающей реальности. А с тех пор, как Лёву перевели на удалёнку – ещё и своего рода склепом, в котором медленно протухали амбиции и мечты. Двадцать квадратных метров, доставшихся от бабушки-блокадницы, пахли слежавшимися газетами, пылью и тёплым привычным уютом, в котором теперь появилась проклятая течь.

Когда-то давно Лёва был инженером: перспективным, с горящими глазами и мечтой, что однажды ему предложат поучаствовать в проекте, важном для всего человечества. Что-нибудь вроде воплощения идеи холодного термоядерного синтеза или телепорта на Марс. Но капающий кран неумолимо отсчитывал секунды, а великие ученые, похоже, только упивались казённым кофе и к Прохорову не спешили.

Продолжая уповать на великое светлое будущее, пришлось согласиться на компромиссную реальность – взяться за расчёты для котельных, и стараться не размышлять о том факте, что, несмотря на продуманные грамотные выкладки, их потом всё равно строят по принципу «и так сойдёт». Зато Лёва открыл в себе талант находить гениально ленивые решения для сложных проблем, и это постепенно становилось его устойчивым жизненным кредо.

Сегодня проблема особо сложной не выглядела, а надежда лениво проигнорировать её упиралась в вероятность глобального бытового коллапса. Да и, в конце концов, мужик он или нет? Не бросать же на битву с кухонным монстром Колясика? Студент разве что пофилософствует с унылым видом о тщете всего сущего и запрётся писать пространную обвинительную статью для сильных мира сего, которую потом столь же философски оставит в столе. Точнее, в папке «упорядочить» на компе. У кого такой нет?

С наждачным скрежетом почёсывая трёхдневную щетину, Лёва подошёл к раковине. Уставился на кран, в смутной надежде, что под укоризненным взглядом тот одумается и вернётся к приличному поведению. Кран смотрел в ответ нагловато и вызывающе. Даже слизавшийся до гладкости барашек ностальгически-советского дизайна не портил его бравурный вид.

Когда его меняли? В прошлом году, в позапрошлом? А выглядит так, будто с самой постройки дома тут тянет лямку…

– Щас заменю тебя! – строго пригрозил Прохоров.

Кран ухмыльнулся холодным никелевым отблеском.

«Ну да, ну да, так я тебе и поверил! – будто бы говорил он. – Вот сейчас попрёшься в сырость, холодрыгу и будешь из собственных карманных денег, которых кот наплакал, выбирать новый смеситель. Флаг тебе в руки!»

И вот тогда Лёва внезапно вспомнил про Штуковину.

Он нашёл её месяц назад у мусорных контейнеров.

Нет, Прохоров вовсе не был одним из тех полусумасшедших хламушников, которые тащат в дом всё, что не прибито, лишь бы бесплатно. Но пытливый ум инженера не позволил пройти мимо блестящего цилиндра из непонятного сплава, дополненного веером проводков и кристаллических стержней. Конструкция напоминала гибрид карбюратора и буддийской мандалы и выглядела исключительно перспективной.

Лёва тогда постоял в раздумье несколько минут, созерцая странный предмет, и решил, что вряд ли кто-то станет делать такую красивую бомбу, да ещё и оставлять её потом возле переполненных мусорных баков. Дурацкая получилась бы диверсия.

Дома он поизучал загадочную штуку, ничего толком не понял, разобрать не смог, но и выбрасывать не стал. А сейчас в голове будто щёлкнул переключатель.

«Принцип подобия, – мысленно проговорил он. – Если нельзя починить систему, нужно создать ей зеркальную нагрузку, чтобы стабилизировать…»

Это была, конечно, полная ахинея. Но ахинея, рождённая отчаянием и инженерным кретинизмом высшей пробы. Прохоров извлёк запылившуюся Штуковину из коробки на шкафу, под мышку сунул полную болтов и гаек банку, имеющуюся у каждого уважающего себя мужчины, прихватил изоленту – куда ж без неё! – и принялся творить. По наитию, не особо задумываясь, что и как делает. Его цель была проста: создать «стабилизатор обратной связи для гидравлической системы низкого давления». А если нормальным языком – присобачить Штуковину к трубе под раковиной так, чтобы она «успокаивала» текущую воду. Почему-то Лева был абсолютно уверен, что это сработает.

Он затянул последнюю гайку, укрепил конструкцию изолентой в трёх местах (три – магическое число, для надёжности) и с торжественным видом покрутил туда-сюда барашек крана.

Открытый кран дёрнулся и выдал обильную, ровную струю. Закрытый – капать перестал вовсе. Успех! Инженер расплылся в самодовольной улыбке, но…

Штуковина загудела.

Нехорошо так загудела: низким, вибрирующим, гулким басом, отзывавшимся в позвоночнике и пятках. Кристаллические стержни засветились синим, хотя, вроде как, и не должны были, чисто физически. Мир дёрнулся, будто его пощекотали во сне. Дурацкое сравнение, но иначе и не опишешь. Пол на мгновение ушёл из-под ног, а потом, столь же внезапно, вернулся на привычное место.

Лёва качнулся, ловя равновесие, и ухватился за раковину. Предметы на кухне потеряли чёткость, стали полупрозрачными. Из динамика давным-давно мёртвого радио донёсся обрывок фразы на непонятном языке, сопровождающемся щёлканьем и свистом. В воздухе запахло озоном, мятой и, вроде бы, домашними пирожками с капустой. Совсем как в детстве, в деревне, после грозы.

И так же внезапно всё прекратилось. Гул Штуковины резко стих, проклятый кран тоже замолк, удовлетворённо хрюкнув напоследок. В уши полезла неестественная, ватная тишина, сквозь которую едва различимо пробивался звук включенного в комнате бабы Нюры телевизора.

«Ну вот, – осторожно подумал Лёва, но даже так получилось слишком громко. – Кажется, я окончательно всё сломал».

Он потянулся к Штуковине, чтобы открутить её на фиг, пока не случилось ещё что-нибудь странное, но едва коснулся металла, как в дверь постучали. Не во входную, а прямо в кухонную, которую Прохоров прикрыл, чтобы проходящая по коридору старушка-соседка не заприметила его возню и не полезла с ценными советами. Три отрывистых, идеально ровных удара, как будто стучал не человек, а метроном.

***

Лёва, не отрывая взгляда от мерцающего теперь оранжево-аварийным светом устройства, подкрался к двери, потом устыдился собственной боязни и решительно открыл. Ну, действительно, кто там может быть кроме бабы Нюры или явившегося из универа раньше времени Колясика?

На пороге стоял гном.

Можно было бы усомниться, отдавая дань собственной адекватности. Или сказать «невысокий человечек». Или ущипнуть себя за руку, чтобы проснуться. Но Лёва, прочитавший в юности вполне достаточно фэнтези, просто смирился с фактом: гном. На пороге коммунальной кухни.

Надо сказать, что сказочными атрибутами вроде колпака или здоровенного топора гость похвастаться не мог. Это был очень приличный и респектабельный представитель Волшебного царства. Ростом чуть больше метра, в идеально сидящем костюме-тройке из тёмно-серой шерсти, с галстуком-бабочкой и начищенными до зеркального блеска туфлями впечатляющих размеров. В одной руке он держал кожаный портфель, в другой – планшет (иди скрижаль, поди разберись в терминологии!) из матового чёрного камня, по которому бежали строки мерцающих рун. Лицо гнома с аккуратно подстриженной – не иначе как в барбершопе – бородкой излучало трагическую серьёзность, а за стёклами очков в тонкой металлической оправе горели пронзительные глаза цвета байкальского льда.

– Лев Прохоров? – бархатисто осведомился незнакомец. В его голосе звучала непоколебимая уверенность бюрократа, нашедшего жертву без нужных документов.

– Ага… – выдавил из себя неудачливый инженер.

– Карл, – отрекомендовался гном, не протягивая руки. – Аудит Вселенных, отдел стабильности, подсектор 7Б. Вам, господин хороший, светит обвинение по статье 14.8.3 шестого блока Кодекса Межпространственного Равновесия за несанкционированное вмешательство в фундаментальные константы с применением кустарных инструментов, повлёкшее за собой дестабилизацию межмирового эфира. Проще говоря, – он бросил ледяной взгляд поверх очков в сторону кухни, – вы накосячили в космическом масштабе.

– Да я щас откручу… – пробормотал Прохоров, воровато оглянувшись на раковину и окончательно смиряясь с тем, что происходящее – не сон, не новая «фишка» мошенников и даже не глюк от несвежей шавермы.

Карл тяжело вздохнул. Он протопал на кухню, решительно сдвинув Лёву в сторону, и укоризненно уставился на Штуковину, примотанную к трубе.

– «Квантовый Гармонизатор модели «Постоянство-5», – монотонно зачитал он со своего каменного планшета. – Снят с эксплуатации за ненадобностью после Великого Примирения Эпох. По бумагам все модели утилизированы. Или должны быть утилизированы... Даже не буду

спрашивать, как он к вам попал. Но вот это, – гном осуждающе ткнул пальцем в сомнительную конструкцию, украшенную изолентой, и его голос предательски дрогнул. – *Это вот*! Как вам в голову пришло?

– Кран капал, – попытался оправдаться Лёва, но лучше не стало.

– Кран капал… – неверяще повторил Карл и что-то черкнул в планшете острым стилусом. – И вместо того чтобы вызвать сантехника или, на худой конец, залить всё герметиком, вы решили расшатать Константу Межмирового Трения. Ту самую, что не даёт Вселенным, как бильярдным шарам, сталкиваться и рассыпаться в квантовую пыль! Из-за вашего «ремонта» в секторе 7Б уже начались… – он несколько мгновений поискал цензурное слово, – …неполадки. Утечки.

– Какие утечки? – холодея, спросил Лёва. Ему показалось, что пол снова уходит из-под ног.

Хоте нет, не показалось. Тот действительно едва ощутимо дрогнул.

В этот момент из розетки-тройника с тихим шипением заструился дым. Впрочем, судя по тому, что он мягко стелился по полу, вместо того чтобы клубами взмывать под потолок, это оказалась субстанция совсем другого рода.

Переливчатое перламутровое марево образовало подобие лужи у стены и с любопытством поползло дальше, даже не думая рассеиваться. Отчётливо запахло старыми книгами и жжёным сахаром.

– Вот такие, например, – недовольно, но вполне спокойно развёл руками Карл, будто жаловался на обычную протечку батареи. – Это, господин хороший, река Лета подтекает в здешнюю реальность. Пока по чуть-чуть. Но если не принять меры, через несколько часов она затопит подъезд, а жильцы забудут, кто они и зачем платят за капремонт.

Лёва ещё раз глянул на мистический ручеёк, потом на своего незваного гостя. Ему очень захотелось ответить, что обитатели дома и так не очень понимают, на что уходят капремонтные средства, но одёрнул себя. Перепалка – лишь его извечный ленивый способ отсрочить неизбежное «принятие мер», а Лета-то течёт!

– Что мне нужно делать? – вздохнул он.

Гном со внезапным уважением посмотрел ему в глаза.

– Значит, готовы разгребать сложившуюся катавасию?

– Ну, а как иначе-то…

Карл грохнул планшет на тумбочку, открыл портфель, извлёк из него толстую папку с надписью «Дело №7Б-614» и зашуршал бумагами.

– По регламенту, лицо, причинившее ущерб, назначается ответственным за его устранение, – забубнил он. – Поздравляю, Лев Прохоров. С этого момента вы – Управляющий Смежными Вселенными для сектора 7Б. Ваша задача – своевременно ликвидировать возникающие неполадки. В данном случае – стабилизировать Константу и устранить… ну, скажем так, протечку. Она ж и правда течёт! – внезапно хихикнул он, озорно блеснув глазами-льдинками, но тут же снова принял подобающий официальному лицу вид.

– В случае неудачи, – продолжил он ледяным тоном, – данный сектор, начиная с этой самой комнаты и вплоть до планетарных масштабов, будет признан аварийным и подлежащим сносу. Утилизации. Понимаете? Полной и безоговорочной.

– Вы прикалываетесь? – хрипло возмутился инженер. – Из-за одного крана? Всю планету?

– Из-за одного крана с интегрированным в конструкцию квантовым Гармонизатором списанной модели, – дотошно уточнил гном.

– Но это же нечестно! Накажите лучше того, кто мне его подсунул. Всяко он не с Земли!!!

– Разбирательство по данному вопросу мы непременно проведём позже. Что касается «честности» или «нечестности» происходящего, вы, похоже, просто не представляете себе

последствия неправильного использования устройства. Правила и законы – не зря писаны, и неспроста.

Прохоров протяжно выдохнул сквозь зубы.

Где-то вдалеке, за окном, просигналила машина. В открытую форточку долетел шум весёлой возни на детской площадке. Мир продолжал существовать в привычном ритме, не подозревая, что его судьба теперь зависит от инженера-неудачника, который не смог даже нормально починить кран.

Лёва посмотрел на папку. Посмотрел на перламутровый ручеёк, неуклонно ползущий к любимым кухонным тапочкам бабы Нюры – для каждого помещения у неё была отдельная обувь. Посмотрел на Карла.

– А инструкцию-то дадут? – хмуро осведомился он.

Карл едва заметно улыбнулся.

– Инструкция, господин управдом, – он ткнул стилусом в планшет, – это пять тысяч страниц правил, норм и технических регламентов. А практика… – он кивнул на ручеёк, – начинается прямо сейчас. Берите ведро. И тряпку. И, желательно, побыстрее.

Из прихожей засвербел дверной звонок. Длинно, настойчиво. Детский голос безалаберно прокричал в замочную скважину: «Папа! Открывай, это я, Соня! Мама сказала, что я у тебя на целых две недели!»

Медленно моргнув, Лёва уставился на своего нового знакомого. Тот выглядел немного растерянным.

Итак, капремонт Вселенной. Десятилетняя дочь, с которой непонятно, о чём говорить. Река забвения, текущая из розетки. Гном-бюрократ… А, казалось бы, вторник как вторник…

«Трындец», – подумал Прохоров. Но отчего-то в этом ёмком значимом слове заключалась не безысходность и покорность судьбе, а мощный стимул взять ситуацию в свои руки. Чистый, кристальный, граничащий с истерикой абсурд. И против абсурда Лёва знал только одно средство.

Он открыл глаза, глубоко вздохнул и пошёл открывать дверь дочери, бросив через плечо:

– Ведро под раковиной. Тряпки вон там, на батарее. Я щас.

Глава 2

Входная дверь распахнулась, и в квартиру влетело компактное торнадо в розовом пуховике и с громадным школьным рюкзаком. Весенние каникулы должны были начаться только со следующей недели, но бывшая жена привезла Соню уже сегодня, намереваясь укатить в отпуск с очередным ухажёром. «Эффективным менеджером». Даже не соизволила подняться в квартиру…

Обнимая дочь, Лёва тихонько вздохнул. Куда уж ему до нового хахаля! Тот и зарабатывает лучше, и по карьерной лестнице карабкается, будто специально для этого родился. И, вроде бы, даже регулярно посещает спортзал.

– Лев, вы там скоро? – из кухни высунулась голова гнома, и его же рука, сердито помахивающая ведром.

– Ой! – на миг смутилась Соня. – Здрасьте! А я не знала, что у папы гости.

Девочка с интересом пригляделась к Карлу, но, к счастью, воздержалась от комментариев о росте и предположений о видовой принадлежности, хотя Прохоров отлично знал, что предположений у неё – хоть пруд пруди. Для десятилетки Соня очень много читала, и всё сплошь фэнтези. До того же «Властелина колец» она добралась ещё года три назад. Помнится, тогда классный руководитель, Вера Павловна, ещё закатила по этому поводу изрядный скандал. Мол, как же так, рано ребёнку *такое* давать.

Гном, тем временем, отставил ведро и выбрался в коридор уже целиком. Степенно поправил бабочку на шее и терпеливо объяснил:

– Я не гость. Я – Аудитор. И у нас, молодая леди, с вашим отцом есть безотлагательное дело. Может быть, вы соблаговолите уже отпустить его?

Соня послушно разжала руки и тут же переключилась на другую интересную штуку.

– Ой, а что это у вас там, дым-машина на кухне? – спросила она, указывая на высунувшееся в коридор тонкое щупальце белёсого марева. – Вечеринку готовите?

Ну да, конечно, папа с незнакомым гномом готовят на кухне коммунальной квартиры большой праздник с участием дым-машины. Самое логичное предположение, первым приходящее в голову! Впрочем, поколение, взращенное в эпоху смартфонов и видосиков из интернета, уже ничем не удивишь…

– Это не машина, – недовольно возразил Карл. – Это река Лета протекает. И нам с вашим отцом, юная леди, нужно это безобразие прекратить. Причём очень срочно!

– Да-да, – заспешил Лёва. – Извините. Сонь, ты разувайся, снимай куртку и проходи в комнату, ладно? Я скоро приду.

– Та Лета, которая в древнегреческих мифах? – девочка мигом скинула верхнюю одежду и восторженно замерла на пороге кухни.

– Та самая, – вздохнул Прохоров, прикидывая, нужно ли надеть резиновые перчатки, или всё равно не поможет. – Ты не подходи к ней, пожалуйста! – спохватился он. Потом понял, насколько это бесполезно и попросил. – Ну, или хотя бы руками не трогай, хорошо? Это опасно.

– Ладно, – как ни странно, девочка не стала спорить и умчалась в комнату.

Лёва решил разобраться с причиной такой неожиданной покладистости позже и вопросительно глянул на Карла.

– Что, прямо тряпкой собирать? А мне ничего не будет от этого?

– Не будет, – буркнул гном, пролистывая рунические письмена в планшете. – Поток пока слишком слабый. Вот, нашел! – он снова включил монотонно-бюрократический тон: – Согласно протоколу 7Б-614, подразделу «Гидрологические инциденты», пункту 3, для локализации малых рукавов Леты предписывается использование простейших абсорбентов с после-

дующей утилизацией через портал небытия, – он с некоторым сомнением оглядел кухню. – Ведро и тряпка, в принципе, соответствуют критериям «простейшего абсорбента».

– В принципе?! – возмутился инженер, но его гость лишь развёл руками, с явным интересом ожидая продолжения представления.

Чувствуя себя полным идиотом, Лёва опустил тряпку в перламутровый поток. Зачерпнул невесомый туман, «отжал» в ведро. Ещё раз, и ещё.

Заполнив ёмкость на две трети, он обернулся к гному:

– Ну, открывайте, что ли, свой «портал небытия».

– Не имею таких полномочий, – крякнул тот.

– Чего? И как мне теперь быть? В унитаз, что ли, это всё выливать?

– В чистом виде – нельзя. Риск заражения водоносного горизонта. Но, согласно прецеденту 14У-45, разрешена утилизация через централизованную систему водоотведения при условии нейтрализации опасного агента. У вас есть нейтрализатор?

– У меня есть ёршик для унитаза, – мрачно сказал Лёва.

– Не соответствует спецификации.

Река забвения, меж тем, видно, заметила, что её бегство пытаются пресечь, и забеспокоилась. Туманный ручеёк уже не просто стелился по полу, а начал подниматься тонкими щупальцами по стенам, образуя призрачные переливающиеся фигуры – то силуэт бабушкиного сервиза, который разбился, когда Лёве было лет пять, то контуры незнакомой картины. Воздух наполнился едва различимыми обрывками чужих разговоров, шепотков, мелодий.

– Пап, я руками не буду, а вот газеткой – можно? – в кухне снова возникла Соня. Под мышкой у неё была кипа старых газет, которые у Лёвы всё не поднималась рука донести до помойки. Не зря же бабушка собирала их столько лет.

Не дожидаясь ответа, девочка ткнула свёрнутой в трубочку пожелтевшей страницей в одно из щупалец на стене. Оно дрогнуло и моментально растаяло, впитавшись в бумагу. Надписи исчезли, лист стал девственно чистым. Даже побелел немного.

– Она же жрёт воспоминания! – сообразил Прохоров. – Карл, сойдут старые газеты в качестве нейтрализатора?

– Прецедентов не было, но теоретически…

– Соня, ты молодец! Тащи ещё! – Лёва отобрал у дочки газеты и принялся аккуратно, по одной, бросать их в туманный ручей. Тот таял на глазах. Через несколько минут с проблемой было покончено.

Включив фонарик смартфона, инженер с подозрением заглянул в злополучную розетку, но не увидел там ничего подозрительного. Гармонизатор под раковиной нехотя сменил спектр свечения на спокойный синий.

– Инцидент локализован, – объявил Карл, и поставил в планшете жирную галочку напротив длинной строчки с непонятными символами. – Первичная задача выполнена. Но не спешите плясать джигу. Это – лишь одна заделанная пробоина. Источник проблемы – дестабилизированная Константа, так что новые «протечки» не заставят себя ждать. Отныне вам придётся постоянно быть начеку.

– Подождите, – последнее наставление Лёве совсем не понравилось. – Вы сказали, что я теперь «управляющий». Что это значит? Ну, сейчас-то мы справились, под вашим руководством, и то – почти чудом. А дальше? Если снова какая-нибудь хтонь полезет, к кому мне за советом бежать, за какие книги хвататься?

– Во-первых, вам будет назначен ежемесячный аудит и предоставлен доступ к базе знаний по наиболее распространённым неполадкам. Мы ж не звери какие, – успокаивающе поднял ладони Карл. – Во-вторых, вот вам аварийный канал связи, – он достал из портфеля небольшой предмет, похожий на старомодный портсигар, но сделанный из того же тёмного камня, что и планшет. – Расписывать вам его подробные свойства не буду. Между собой мы зовём его

«Крикун». При возникновении инцидента уровня «угроза целостности сектора» он просигнализирует об опасности. И вы также сможете связаться со мной или другим Аудитором, если я вдруг окажусь недоступен. Просто зажмите его в ладони и мысленно попросите о помощи.

Лёва принял «Крикун», покрутил его в руках. Ни кнопок, ни дисплея. Зато сам камень казался тёплым и, кажется, даже едва заметно пульсировал.

– А что, если всё выйдет из-под контроля?

– Тогда прибудет команда ликвидаторов, – Карл сказал это холодно и отстранённо, но в его глазах плескалось искреннее сочувствие. – Они устранят неполадку. И её причину. Вместе с вами и всем, что может быть связано с инцидентом. Это дорого, долго и очень неаккуратно. Поэтому, пожалуйста, постарайтесь ответственно отнестись к возложенной на вас миссии!

Прохоров протяжно вздохнул и кивнул.

***

В коридоре громко скрипнула дверь, тяжело зашаркали старушечьи шаги. Прохоров запоздало порадовался, что баба Нюра не решила выйти на кухню раньше, в самый разгар вселенского бардака.

– Лёвонька! – пенсионерка, придерживаясь за стену, остановилась на пороге, переобулась в «кухонные» тапки, так и не канувшие в Лету, и только потом подняла глаза. Увидела Карла. – Ой, вы из ЖЭК-а, да? Так вы уже знаете, что нас соседи заливают? Сюда тоже протекло? – она с сомнением оглядела разложенные по полу газетные листы. – Сонечка, здравствуй! Или это тут твои проделки?

– Тут уже всё в порядке, Анна Петровна, – осторожно сказал Прохоров, ненавязчиво загораживая собой гнома. – Я просто кран чинил. А у вас что за беда? Кто нас заливает?

«Чёрт! Вдруг Лета нашла ещё лазейку? Тогда всё заново?» – подумал он.

Но Крикун-камень молчал, да и Гармонизатор ровно светился синим…

– Да ты только глянь на мой потолок, Лёвонька! – запричитала бабка, снова ловко перелезая в «коридорные» тапки. – Он весь в таких пятнах разноцветных, знаешь, будто мазутом помазали! А вдруг у них там отрава какая?

Вся компания с любопытством и некоторой опаской проследовала за бабой Нюрой к её комнате. На потолке оной действительно присутствовали подозрительные радужные разводы.

– Это ещё что за напасть? – чуть в голос не взвыл Лёва, но смог утрамбовать порыв души до сдавленного шипения на ухо гному.

– Отставить панику, – деловито заявил тот. – Это просто остаточный конденсат. Пятна исчезнут сами в течение нескольких часов. Ну, в крайнем случае – будет у вас пара всплесков спонтанных воспоминаний. Ничего страшного. А то, глядишь, и польза какая получится.

– Так что, ничего опасного нет? – подозрительно сощурилась пенсионерка. – А вы точно из ЖЭК-а?

– Не беспокойтесь, сударыня. Я из организации, уполномоченной заниматься гораздо более серьёзными проблемами. И с полной ответственностью заверяю вас, никакой опасности нет.

– То-то и смотрю, такой вы импозантный, – зарделась баба Нюра от обращения «сударыня» и даже будто бы стала выше, моложе. – Ну, раз всё хорошо, то и ладно.

Она тихонько затворила дверь изнутри, не забыв, впрочем, снова сменить тапки.

– Теперь о важном, – Карл снова развернул папку с делом и обернулся к Лёве с Соней. – Вам необходимо провести первичный осмотр сектора на предмет других слабых мест. Константа могла повредить что-то ещё. А предотвратить прорыв всегда проще, чем бороться с его последствиями. Любое место, где реальность истончилась по какой-либо причине, – ста-

рые коммуникации, узлы энергетических сетей, перекрёстки с высокой аварийностью, – может стать новой точкой утечки.

– А перекрёстки-то здесь причём? – удивился Прохоров. – Вы вообще насколько большую территорию препоручили моему ведению?

– О-очень своевременный вопрос! – саркастически протянул Карл, и его льдистые глаза заискрились весельем. – Может быть, стоило уточнить это прежде, чем соглашаться?

– А то у меня выбор был! – возмутился инженер. – И вообще, я ещё с вами ничего не подписывал.

– Устный договор с Аудитором имеет силу подписанного документа, – наставительно поднял палец гном.

– Пап, ну разве можно отказаться от такой работы? – влезла Соня. – Ты же будешь как самый настоящий супергерой!

Глаза девочки лучились восторгом и искренним восхищением. Давненько Прохоров уже не видел на её лице такого выражения, по крайней мере – по отношению к нему. Он уже напрочь уверился, что дочь считает его неудачником, а тут – поди ж ты, в герои записала!

– Ну, так что насчёт территории? – чуть мягче поинтересовался Лёва.

– Квартал, – припечатал гном. – Собственно, ваш сектор домов, ограниченный ближайшими улицами. Чисто технически, сами улицы – уже не совсем ваша территория. Но тоже поглядывайте, это не повредит.

– А я тебе помогать буду! – Соня взяла отца за руку, с надеждой посмотрела на него снизу вверх.

– Вот уж нет! – возмутился он. – Будь моя воля, я бы тебя сразу обратно к маме отправил. Чёрт его знает, что тут ещё может повылезать!

– Не ругайся, пап! У неё самолёт завтра утром. И вообще, я стану вести себя осторожно и слушаться тебя во всём. Честно-честно!

Прохоров вздохнул. А ему-то самому кого слушаться? Он не отказался бы иметь рядом какого-нибудь мудрого старца, который станет говорить, что делать. Почему-то Карл на эту ответственную должность никак не тянул. То ли из-за мелкого роста, то ли из-за паскудной хитринки, нет-нет, да и пробивающейся из-под маски унылого бюрократа.

– Ну, папа! Ну, настоящая магия ведь! – Соня подпустила в левый глаз огромную сверкающую слезинку. Лёва отлично понимал, что это – продуманная манипуляция, но сердце его дрогнуло. А тут ещё и гном влез:

– София Прохорова может быть зачислена в штат на должность «младший специалист по аномалиям» с испытательным сроком длиной в шесть земных месяцев и возможностью получения уникального опыта. Оформление займёт не более пяти минут.

– В штат! – не удержавшись, фыркнул инженер. – «В штат» – это когда зарплату платят. Или когда хотя бы в резюме можно указать этот ваш «уникальный опыт». К чему ей это ваше оформление? И вообще, детский труд – изрядно незаконная штука!

– Отвечаю по порядку, – ничуть не смутился Карл. – Денег мы вам, понятно, не предлагаем. Хотя бы из-за того, что необходимость организации данной «вакансии» спровоцировала ваша собственная ошибка. Но если вы будете эффективны, мы сможем предложить некоторые… бонусы. Премии, так сказать. Уникальный опыт, о котором вы говорите с таким явным скепсисом, очень пригодится вашей дочери, если она решит связать свою судьбу с гармонизацией точек соприкосновения Вселенных, в той или иной сфере. Тем более, что… а, впрочем, неважно. Ну, а трудиться можно с любого возраста, если это – по собственному желанию, а не из принуждения или необходимости. Разве нет?

Прохоров мученически поднял глаза к потолку. Тот смотрел холодно и равнодушно. Соня продолжала стискивать руку вспотевшими ладошками, и Лёва, наконец, принял решение:

– Ладно, пока Соня здесь, мы будем вместе следить за этими вашими утечками. Только пожалуйста, не забудьте дать нам доступ ко всей необходимой информации, чтобы мы не только справились с работой, но и выжили в процессе.

– Сегодня же всё пришлю, – пообещал Карл. – А вы, со своей стороны, не затягивайте с осмотром сектора. За сим я вас покидаю, – Аудитор посмотрел на часы, и Лёва заметил, что стрелки на них отсутствуют: лишь произвольно вращается на циферблате несколько шестерёнок, а между ними прыгают цветные точки.

– У меня запланирована проверка в соседнем секторе, – неожиданно поделился планами гном. – Там у них проблемы с временной петлёй в общественном транспорте. Трамвай номер три едет по маршруту уже сорок семь лет без остановки. И хоть бы кто подумал раньше спохватиться! – он вздохнул и укоризненно покачал головой. – Я свяжусь с вами через «Крикун». И помните, господин управдом: главное – не паниковать. И вести отчётность. Всё должно быть по форме. А в остальном – быстро привыкнете.

Он кивнул, забрал планшет с папкой и направился к выходу. Но у самой двери обернулся.

– И ещё одно, Лев Прохоров. Не пытайтесь снять Гармонизатор. Это никоим образом не поспособствует возврату вашей жизни в привычное русло. Сейчас устройство хоть как-то стабилизирует точку разлома. Без него утечка станет неконтролируемой.

Дверь за Карлом захлопнулась, Лёва и Соня остались на кухне одни. Всё ещё попахивало озоном и жжёным сахаром. На полу шуршали раскиданные пустые газеты. В трубе под раковиной тихо пощёлкивала Штуковина, через открытую форточку доносились привычные звуки улицы.

– Ну что, может – сразу на осмотр наших новых владений? – Соня так и светилась энтузиазмом.

– Нет уж. Давай-ка сначала приберёмся здесь, а потом я накормлю тебя обедом. Голодная же, небось, после школы?

В животе девочки предательски заурчало.

– Немножко. А я уж и забыла, – смущённо призналась она и с надеждой уточнила: – Пиццу?

– Пиццу, – обреченно согласился Лёва.

Глава 3

Новое утро порадовало Лёву с Соней неожиданным подарком: весеннее солнце заглядывало в окна, заливало всю Петроградскую ярким, радостным светом и даже уже вполне ощутимо пригревало. Кого другого таким не удивишь, но для коренных питерцев – настоящее событие после долгой, унылой, серой зимы.

Вчерашний переполох с Летой казался не более чем неприятным сном, а гипотетическое появление команды ликвидаторов – и вовсе – детской страшилкой, малореальной и бессмысленной.

Лёва стоял у кухонного окна, с лёгкой улыбкой прихлёбывал кофе и смотрел в окно. Все проблемы сейчас казались легко преодолимыми, а жизнь, впервые за долгие годы, – наполненной смыслом.

Соня, присев на корточки у розетки, водила над ней «Крикуном». В школу ей сегодня было не нужно: что-то там напутали вызванные ремонтники и начали покраску коридоров раньше, так что весенние каникулы случайно удлинились на целых полнедели.

Волшебный камень пока не изъявлял желания возопить об очередной вселенской катастрофе.

– Молчит, – разочарованно протянула девочка. – Может, Карл нас зря пугал, и всё уже закончилось? Как-то даже жалко, да?

Прохоров открыл было рот, дабы нравоучительно пояснить, что отсутствию опасности нужно радоваться, а не огорчаться, но поймал себя на ощущении: да, правда, немного жаль. Вчера он впервые стал нужным, важным, полезным, как всегда мечтал. А сегодня? Неужели снова потянутся обычные тоскливые будни? Пусть даже немного более солнечные.

– Может быть, Карл и преувеличил, – нехотя признал он, – Но, с другой стороны, мы ведь ещё и не осмотрели всю подконтрольную территорию. Давай как раз пройдёмся по хорошей погоде и поглядим, чего там и как. Ещё знать бы, что искать…

– А ты почту с утра не проверял, что ли? – удивилась девочка. И, увидев недоумевающий взгляд отца, уточнила: – Ну, электронную!

– До завтрака? – ужаснулся Лёва. – Вот ещё!

– Я первым делом все мессенджеры проверяю, как проснусь, – Соня укоризненно погрозила ему пальцем, очень сильно напомнив в этот момент свою мать. – Вдруг что-то важное? Вот, гляди!

Она ткнула на непримечательную иконку приложения в смартфоне. На экране появился баннер бюрократически-синего цвета со строгой белой надписью: «Департамент стабильности, сектор 7Б. «Аудит-Плюс». Уровень доступа – ознакомительный».

Лёва тронул пальцем экран. Перед ним сразу, не подтормаживая, развернулся минималистичный интерфейс со схемой квартала и несколькими разноцветными отметками. Прямо над их домом висел едва заметный жёлтый значок в виде щита, который при нажатии выдавал информацию: «Стабилизированный инцидент: Лета, малый рукав. Нестандартное применение списанного Гармонизатора пространства. Возможны новые утечки». Остальные точки располагались, казалось, в случайном порядке. Ничего странного в тех местах, насколько помнил Прохоров, отродясь не водилось.

Он с интересом ткнул на зелёную отметку у старого фонтанчика в сквере.

Соня, высунувшись из-под его локтя, вслух прочитала всплывшее описание:

– Фонтан «Каменный цветок». Статус: пассивная аномалия, класс 0 (безопасно). Описание: В 1978 году в результате эмоционального выброса малоизвестного поэта, читавшего здесь стихи о неразделённой любви, произошла микроскопическая деформация реальности. Вода в

фонтане обладает слабовыраженным воздействием на разумных существ: после попадания её на кожу в течение часа невозможно солгать. Эффект распространяется также на детей младше семи лет (склонны выдавать неудобные, но правдивые наблюдения о родственниках). Рекомендации: наблюдение. Вмешательство не требуется.

Лёва задумчиво потёр переносицу. Кто бы мог подумать? Фонтан как фонтан… Старенький, местами сколотый, вечно нечищеный.

А ещё любопытно, что подобная ерунда, оказывается, происходит в мире регулярно. Но командой ликвидации почему-то грозили именно ему. Ну-ну…

– А вот тут, на парковке кооператива «Металлист», – Соня вновь завладела своим смартфоном и переключилась на другую метку. – Объект: Ржавый Жук. Статус: пассивная аномалия, класс 0. Описание: заброшенный автомобиль «Жигули» модели 1986 года. В 1999 году стал эпицентром мелкой пространственной трещины, через которую просочились споры гриба вида Fungus fabulosus. Теперь кузов автомобиля ежегодно, в полнолуние мая, покрывается съедобными грибами, по вкусу напоминающими белые, но растущими на металле. Не ядовиты. Рекомендации: наблюдение. Сбор грибов местными жителями допустим и поощряется (снижает биомассу аномалии)».

– И что, кто-то натурально рискнул их попробовать? – ужаснулся инженер. Потом припомнил, что ржавый драндулет он, вроде бы, действительно видел, а вот грибы на нём – никогда. Значит, и правда, едят…

Впрочем, учитывая местный контингент, можно не удивляться. Пенсионеры, выпивохи, хипстеры… Да кто угодно из них мог заинтересоваться неожиданными «дарами природы».

– И что, неужели никто не удосужился выложить фотки этого чуда в интернет? – риторически поинтересовался он.

– Щас погляжу в отметках на карте, – Соня на пару минут углубилась в поиски. – О, есть, смотри! Никто не верит, правда. Пишут: «очередная тупость от нейросетки» и всё такое.

Лёва пролистнул с полстраницы «всего такого» и попросил:

– Не читай, пожалуйста, такие комменты.

– Пф-ф, – закатила глаза дочь. – Я уже все эти слова знаю!

– Ну и нечем тут гордиться! Всё, собирайся давай. Посмотрим на чудеса своими глазами.

Соня радостно побежала одеваться, а Лёва медленно допил остывший кофе и подумал о том, что в устоявшейся картине мира как-то многовато трещин. Впрочем, это было не столько страшно, сколько любопытно. Его родной район, знакомый, казалось, до последнего поребрика, из скучного и предсказуемо-серого вмиг окрасился в волшебные краски иных реальностей. И за всем этим кто-то наблюдал, каталогизировал, писал отчёты.

– Я готова! – пропыхтела дочка, заглядывая в кухню.

Прохоров отставил немытую кружку, вышел в прихожую и сунул ноги в ботинки на липучках. Почему-то сегодня их вид толкнулся в сознание глухим раздражением. Ещё одна дань собственной лени. Насколько вообще он, Прохоров, успел запустить свою жизнь? Когда в последний раз стригся в парикмахерской? Когда брился: гладко, начисто?

– Пап, ты чего? – Соня, как всегда, чутко уловила смену настроения.

– Всё в порядке, – Лёва ласково потрепал её по голове и потянулся за курткой. – Шапка-то где?

– Ну тепло-о же!

– Хотя бы в карман положи. Вдруг с Невы дует опять?

***

Отец и дочь вышли на улицу. Воздух пах талым снегом, влажной землёй, автомобильными выхлопами и надеждой на лето. «Крикун», завёрнутый в носовой платок (Соня решила, что устройству нужен хоть какой-то «чехол»), лежал в кармане куртки Лёвы и безмолвствовал.

Первым пунктом их ознакомительной прогулки стал сквер с фонтаном. Воду ещё не включили, в чаше сиротливо слезился под солнечными лучами грязный ком слежавшегося снега. На первый взгляд – ничего необычного. Да и на любой последующий – тоже…

– Смотри, пап, – Соня указала на бронзовую табличку, которую Лёва наверняка видел сотни раз, но никогда не читал. «Фонтан «Каменный цветок». Открыт в 1978 году, в честь 150-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого».

– Странное дело, – хмыкнул Прохоров, обходя фонтан по кругу. – Где Толстой, и где – «Каменный цветок»? Это к какой-нибудь годовщине Бажова надо было.

– Бажова? – удивилась Соня.

– Эх ты… Толкина с Лукьяненко знаешь, а Бажова – нет. Стыдоба!

– Что было у вас с мамой в шкафу, то и читала! – парировала дочь. Теперь стыдно стало уже Лёве. С классикой дома и правда было негусто. А теперь, когда разъехались, и вовсе – бардак.

– Вот там у них написано: «малоизвестный поэт», – задумчиво сказал Прохоров. – А он ведь всё-таки добился своего. Оставил след. Пусть и такой… мокрый.

Они постояли ещё немного у фонтана, греясь на солнце. Лёва рассказал, как в детстве запускал здесь кораблики, а Соня – что однажды видела, как голубь купался в натёкшей от брызг луже, а потом упорно гонялся за стайкой воробьяёв, явно что-то им доказывая. Посмеялись. Наконец решили, что осмотр участка проведён достаточно тщательно и двинулись дальше.

Следующей точкой оказался небольшой чистый дворик между двумя дореволюционными домами. В приложении значилось странное: «Объект: Кот-Смотритель. Статус: пассивная аномалия, класс 0. Описание: дворовый кот по кличке Маркиз, Мурзик, Рыжик, Кот (возраст не определён) в результате длительного контакта с геопатогенной зоной (засыпанный старый колодец) обрёл разум и способность влиять на реальность локальной территории.

Условно правомерно считает двор своей собственностью, а жителей – питомцами: бестолковыми, но милыми. С них он регулярно собирает «дань» (еда, почёсывание за ухом), взамен нормализуя обстановку, самочувствие и предотвращая конфликты. Обладает способностью находиться в нескольких местах двора одновременно (оптическая иллюзия, связанная с искривлением пространства). Рекомендации: наблюдать не обязательно. Уважать суверенитет. При посещении двора – вносить положенную дань.

– Гляди! Вот он! – благоговейно прошептала Соня.

На козырьке крыльца действительно разлёгся огромный рыжий кот. Но восхищённый трепет вызывали даже не размеры. Скорее, он был внушительным сам по себе, всем видом излучая внутреннюю самодостаточность. Эдакий дон Корлеоне местного разлива.

Шерсть зверя лоснилась, усы надменно топорщились, а полуприкрытые глаза смотрели на незваных гостей с ленивым снисхождением. Если бы в приложении Аудита чётко не значилось «дворовый», поверить в это было бы сложно. Проще было представить, как это чудище с брезгливым недовольством отворачивается от серебряной миски, заполненной фрикасе из кролика, и укладывается спать на личную бархатную подушку.

В этот момент запиликал электронный замок, дверь одного из подъездов открылась, и из-за неё выглянула опрятная женщина в косынке. В руках она держала крохотную мисочку. Как ни странно – не серебряную и даже не хрустальную.

– Рыжик, кс-кс-кс! – позвала она, оглядываясь в поисках кота. – Рыжик! Кушать!

Дон Кот вальяжно отлепился от своего лежбища, протопал по металлическому козырьку и грациозно спрыгнул на асфальт. Есть он принялся, впрочем, с большим аппетитом, совсем не по-царски.

– Кушай, мо-орда, кушай мой хороший! – приговаривала женщина, присев на корточки возле кота и наглаживая его по спине. Лицо её, заветрившееся серым унылым бытом, разглаживалось на глазах. Улыбка из усталой и вымученной становилась молодой и ласковой, расправлялись плечи, а по двору будто пробегали волны умиротворяющего тепла.

– Ой, смотри, ещё кот! – шепнула Соня, указывая влево. Там, из подвального окошка, торчал, слегка подёргиваясь, здоровенный пушистый рыжий хвост. Да и в соседней подворотне, вроде бы, мелькнули знакомые очертания.

– Это же преломление пространства, помнишь? – Лёва потряс смартфоном, напоминая про полезное приложение. – Он как будто бы сразу везде.

– Но погладить-то нам надо настоящего, который сейчас ест? – не унималась дочь.

– Ну… наверно.

Они ещё немного постояли в тени подворотни, дожидаясь, пока добрая женщина вернётся в дом, и неуверенно приблизились к местному боссу.

– Здравствуйте, – вежливо сказала Соня.

– Мр-рау, – задумчиво согласился кот, пристально разглядывая чужаков.

– Можно мне вас погладить?

– Мр-р, – зверь размашисто обернулся хвостом.

– Вы такой красивый! – продолжила умасливать девочка. Рука её осторожно дотронулась до богатого рыжего меха, пару раз осторожно проскользила по холке котищи, находящейся, надо сказать, на приличной высоте от земли.

– Теперь ты, папа!

Прохоров-старший почувствовал себя довольно глупо. Он совсем не был уверен, что ему хочется трогать какого-то постороннего кота, который, если верить памятке, ещё и возомнил о себе невесть что. С другой стороны, он сам теперь – не хухры-мухры, а Управдом Вселенных, так что нужно познакомиться с местными аномалиями.

– Здравствуй, кот, – сказал Лёва, присев на корточки и подавив в себе постыдное желание обратиться к рыжику на «вы». – Я вот – Лев Прохоров. Буду латать тут утечки между мирами, если что.

В глазах зверя неожиданно мелькнул интерес, и он сам ткнулся громадной круглой башкой в протянутую ладонь. Это оказалось неожиданно приятно. Волна непривычной нежности затопила видавшего виды инженера, и он, незаметно для себя, начал начёсывать Маркиза, или как там его, обеими руками, приговаривая неубедительно-ласковую ерунду вроде «у-ти, какие уши, у-ти, какая мордаха!»

Безобразие прервал очередной жилец дома, зашуршавший пакетами в подворотне. Прохоров убрал руки от кота и распрямился так резко, что на секунду потемнело в глазах. Но человек с покупками только понимающе улыбнулся и заметил:

– Хороший он у нас.

– Ага, – смущённо согласился Лев и настойчиво потянул Соню прочь.

Кот довольно мурчал им вслед, будто маленький надменный трактор.

– А я и не знала, что ты так любишь котиков, – заметила дочь.

– Я тоже не знал, – добродушно пробурчал Прохоров. Несмотря на момент немужественной слабости, настроение сделалось отменным.

– Может, заведём тебе такого домой?

– Ну что ты! Коммуналка же. Представляешь, что будет, если он что-нибудь сделает с тапками бабы Нюры? А Колясик его вообще научит сочинять возмутительные памфлеты. Нет уж, лучше я сюда иногда буду заходить.

А про себя додумал, что совсем не «иногда».

***

Дальше их путь лежал к старому профильному училищу, ныне превращённому в скучный офисный центр.

В углу дома, у самого фундамента, из узкой щели между двумя бетонными плитами, торчал разлапистый куст. Неприметный, но не осыпавшийся за долгую, непривычно-морозную зиму. Мелкие кожистые листья имели свинцово-сизый оттенок и отлично вписывались в унылый антураж.

Светло-зелёный значок в приложении разворачивался в памятку: «Объект: Мирт сновидческий (Myrtus oneiroides). Статус: пассивная аномалия, класс 1 (низкая активность). Описание: растение, случайно занесённое в 1943 году из смежного измерения, где сны обладают массой. Произрастает в местах, где люди часто грезят наяву (возле учебных заведений, пунктов продажи лотерейных билетов, вокзалов и пр.). В период цветения (июнь-июль) распространяет пыльцу, способную в непродолжительной перспективе влиять на сны. Не опасно, может вызывать ностальгию и лёгкую грусть о несбывшемся. Рекомендации: не уничтожать. Контролировать разрастание (подрезать). Допустим сбор листьев для приготовления слабого успокоительного чая (рецепт прилагается)».

Лёва рассмотрел куст со всех сторон. Рассеяно провёл рукой по холодным упругим листьям.

– Пап, а о чём ты мечтал, когда учился в школе? – неожиданно спросила Соня, ещё раз перечитав справку о мирте.

– Да как все мальчишки, наверное, – улыбнулся Лёва. – Стать космонавтом. Или изобретателем. Чтобы меня все узнавали и ценили за достижения, – он помолчал, вздохнул. – А потом мечты стали как-то проще, что ли. Чтобы на работе ценили. Чтобы хватало денег на жизнь. Ну и, конечно, чтобы ты была счастлива. Счастливее меня – уж точно!

– Я очень счастлива, – серьёзно сказала девочка, подлезла под руку и крепко прижалась к его боку. – Особенно сейчас. Ты ведь бережёшь теперь весь наш мир! Это даже лучше, чем быть космонавтом.

Лёва обнял дочь. Солнце пригревало спину, сновидческий мирт беззвучно покачивался на ветру, а «Крикун» в кармане безмолвствовал, будто обычный булыжник. Не было никаких угроз: только тихий, чуть странный, но однозначно прекрасный мир, который, оказывается, существовал рядом всегда. Просто раньше они не знали, как на него нужно смотреть.

Прохоровы обошли весь квартал, сверяясь с приложением. Нашли «Поющий люк», издающий гул, похожий на басовитую мантру, «Окно-отголосок» в котором под определённым углом можно было разглядеть движущиеся силуэты людей из 1950-х годов и даже «Бродячий запах свежей выпечки», который витал возле мини-пекарни, исчезнувшей почти сто лет назад.

Ни одна из аномалий не требовала срочного «ремонта», но прогулка не казалась бесполезной. Маленький серый мирок привычных дворов и переулков враз стал огромным, ярким, наполненным удивительными чудесами, на которые местные жители привыкли попросту не обращать внимание.

Новоявленные управдомы – или как лучше? «Управкварталы»? – перекусили шавермой и вернулись домой уже в сумерках: усталые, но странно окрылённые. В кармане Сони лежал подобранный возле «Ржавого Жука» блестящий камешек (в базе удалось найти пометку: «побочный продукт грибного метаболизма, безвредный сувенир»), а Лёва впервые за долгие годы чувствовал не тягомотную тоску перед новым бессмысленным днём, а приятную уютную усталость после долгой прогулки с близким человеком.

– Знаешь, что? – сказала Соня уже на пороге подъезда. – Мы с тобой – как смотрители в огромном живом музее настоящей реальности, о которой почти никто не знает. Круто же, да?

– Ага, – согласился Лёва, звеня ключами. – Круто.

***

В почтовом ящике их ждал сюрприз: увесистый конверт из плотной желтоватой бумаги, подписанный элегантным почерком: «Управляющему Л. Прохорову. Срочно».

Внутри оказалось не обычное письмо, а тонкая металлическая пластинка. При касании на её поверхности загорелись строки:

«Экстренное уведомление. Сектор 7Б. Высока вероятность проявления активной аномалии класса 3 (потенциально опасной). Локация: детская площадка «Кораблик». Вероятное время активации: после захода солнца. Природа: нестабильное эмоциональное эхо детских страхов. Симптомы: искажение пространства, появление «теневых» объектов. Рекомендации: немедленное реагирование. Стабилизация до наступления темноты. К.А., Аудит.»

Внизу, на обычной офисной бумажке-липучке, обнаружилась приписка: «Лев, это уже не мирт и не кот. Выдвигайтесь во двор, не дожидайтесь реакции «Крикуна». Будьте осторожны. Возьмите с собой что-нибудь яркое. Карл».

Лёва и Соня переглянулись. Усталость как рукой сняло. За окном быстро темнело, а на детской площадке «Кораблик» их ждала первая настоящая самостоятельная работа.

– Что-нибудь яркое… – задумчиво повторил Лёва. Его взгляд упал на коробку с новогодней мишурой, так и не убранную на антресоли с зимы.

– Наши новые гирлянды ведь, вроде, работают от батареек? – спросил он.

– Ага, – кивнула Соня, и её глаза сверкнули не хуже новогодних огоньков.

– Думаю, подойдут, – решительно сказал Лёва, ощущая непривычную смесь волнения и азарта. – Давай их распутаем, пока совсем не стемнело.

Глава 4

Гирлянда, заботливо выпутанная из шуршащей ёлочной мишуры, подвела. Тускло, медленно моргнула пару раз, и батарейки окончательно сдались. Лёва с Соней растерянно переглянулись и непроизвольно перевели взгляды на окно. В небе уже можно было разглядеть первую, самую яркую звезду. Сириус, вроде бы…

– Папа… а что теперь?

– Так… – Прохоров принялся судорожно думать. – Так! Туристический фонарик где-то должен быть. На динамоподкачке.

– Яркий?

– Ну, какой есть. Я – на антресоли, а ты отдери пока от окна витражную наклейку, если получится.

Дочка согласно кивнула, а Лёва метнулся в коридор и, громыхая расшатанной стремянкой, полез наверх. Потолки здесь были высокие, под четыре метра, так что антресоли представляли собой целый маленький мир. Туда, наверное, можно было при желании запихать ещё одну квартиру-студию из таких, что любят сейчас продавать в новостройках как «компакт-апартаменты люкс-класса».

Фонарь, к счастью, отыскался довольно быстро и даже радостно зажёгся после нескольких нервных нажатий на рычаг. Широкий луч высветил в глубине на полке прохудившуюся палатку, – запоздалый привет из безоблачной походной юности, – роликовые коньки сорок третьего размера без одного колеса и пару флаконов с краской-спреем а-ля «модный металлик». Прохоров когда-то купил их, чтобы освежить старый велосипед, но потом стало не до катаний.

Зелёная и синяя. Ну ладно, пусть будут.

Прихватив краску и продолжая «накачивать» заряд в фонарь, инженер вернулся в комнату. Соня встретила его с обрывками полупрозрачных разноцветных наклеек в руках.

– Ну, вот только так отковырялось, – виновато сообщила она.

– Пойдёт. Лепи на стекло фонаря.

«Крикун» на столе тихонько завибрировал, как будильник, который только-только набирается сил, чтобы заорать в полную мощь.

– Да знаю я, знаю! – пробормотал Лёва, засовывая сигнальный камень в карман.

Они с Соней быстро натянули ботинки и куртки и выскочили из подъезда в подступающую ночь. Благо, «проблемная» зона располагалась тут же, в соседнем дворе.

Днём это было совершенно обычное место: синие горки, деревянный корабль с верёвочными лестницами, качели-балансиры. Сейчас, в сгущающихся сумерках, площадка выглядела совсем иначе. Воздух над ней дрожал, будто над асфальтом в знойный день, только от весёленьких построек тянуло скорее могильным холодом. Фонари у подъездов словно потускнели, а еле заметные тени от качелей и горок ложились, кажется, вовсе не туда, куда должны были. Они располагались под странными, невозможными углами, нахлёстываясь друг на друга и едва заметно шевелясь.

От всей этой картины веяло невероятной, сверхъестественной жутью. Лёва замер на полушаге и открыл было рот, чтобы решительно отправить Соню домой, но её возглас опередил его слова:

– Пап, смотри! Вон там! – девочка указывала на песочницу. Её рука слегка дрожала.

Слежавшийся за зиму, не до конца оттаявший тёмный песок за аккуратными деревянными бортиками шевелился. В неверном дворовом полумраке казалось, что он струится, образуя воронки и холмики, будто под поверхностью копошатся кроты. Или ещё кто похуже. Шайхулуды какие-нибудь. Бр-р.

Прохоров перехватил фонарь из уставшей руки в другую и заработал рычагом ещё активнее. Вж-ж-ж, вж-ж-ж, вж-ж-ж. Только бы не сел в самый ответственный момент!

– Сонь. Давай я тут один разберусь.

– Нет пап, я с тобой, – решительно заявила дочь. Голос её стал тоньше и громче от страха, но она продолжила: – В кино полицейские не зря всегда по двое ходят. Надо спину друг другу прикрывать! Вот!

С детской площадки, перебивая даже жужжание генератора фонарика, донёсся тонкий, едва уловимый звук: плач, шёпот, посвистывание… Сложно описать, но жути только прибавилось. «Крикун» в кармане ощутимо трясся, но, вопреки названию, хотя бы не добавлял свою лепту в общую какофонию.

– Уверена?

– Да, – Соня решительно кивнула. – Это же просто страхи, да? Они ведь… не настоящие, да?

«Вот и поглядим», – подумал Прохоров, но вслух ничего не сказал. Стенающие на площадке тени отнюдь не выглядели эфемерными или выдуманными. Дочка ткнула ему под нос экран смартфона: «Активная аномалия класса 3. Формирование теневых паразитов. Угроза: временное поглощение световой/эмоциональной энергии, провоцирование панических атак. Слабость: яркий направленный свет, сильные положительные эмоции. Нейтрализация: насыщение зоны действия стабильным светом и/или радостными воспоминаниями».

– Свет и радость, – пробормотал Лёва. – Отличный рецепт. Прямо как в детской сказочке.

В этот момент от песочницы отделилась первая тень и бескомпромиссно двинулась в их сторону. Нечто бесформенное, непрерывно меняющее очертания – то клубок щупалец, то растянутый в зловещей ухмылке рот, то просто чёрное пятно, пожирающее и без того неубедительный свет уличного фонаря.

Лёва почувствовал, как по спине хлынул поток ледяных мурашек. Детский иррациональный страх темноты под кроватью. Страх получить двойку. Страх, что мама, задержавшаяся на работе, не вернётся вовсе.

– Свали, пакость! – рыкнул он и включил фонарь, криво украшенный огрызками витражной наклейки.

Разноцветный луч ударил точно в центр приближающейся сумрачной твари. Та взвыла. Вроде бы не вслух, но ощущение создавалось такое, будто где-то совсем рядом с силой провели по доске мелом. Или, скорее даже, – ножом по стеклу. Один из тех звуков, которые слышишь не ушами, а позвоночником.

Мерзко.

Тень отпрянула, недовольно завихрилась по краям, но не исчезла, как ожидал Прохоров. Просто отползла назад, сливаясь с собратьями за низкой оградкой площадки. Похоже, они готовились держать оборону.

– Света мало! – жалобно пискнула Соня. – Или цвета!

Лёва вытащил из кармана баллон с краской, встряхнул её несколько раз, гремя металлическим шариком внутри. Этот живой, настоящий, звук удивительным образом успокаивал, навевая мысли о жарком лете и долгих велосипедных прогулках.

– Щас будет им цвет, – пообещал он и вручил дочке бутылёк. – Помнишь, я тебе говорил, что граффити и вандализм – это плохо? Вот, забудь об этом на полчасика.

Он достал и потряс вторую банку с краской.

Медленно, крепко прижавшись друг к другу, отец и дочь двинулись к площадке, расчищая себе путь среди зловещих теней лучом фонаря. Перешагнули оградку, добрались до центральной постройки.

Вокруг шипело, шептало. Мрак казался непроглядным, а дома и тускло подсвеченные подъезды возле них – невероятно далёкими. Плети тьмы тянулись к двум крохотным человеческим фигуркам, окатывали их холодом и отчаянием.

Крепко сжав зубы, Лёва нашёл в себе силы отвернуться от неведомой опасности и вывести блестящей зелёной краской на деревянном боку кораблика большой улыбающийся смайлик. «Хром» лёг неровно, каплями, но в полутьме засверкал, отражая свет ручного фонарика. Разом стало чуть светлее и спокойнее.

– Рисуй! – скомандовал он Соне и сунул ей фонарь. – Свети и рисуй. Позитивчик какой-нибудь. Оно работает!

Соня, стараясь не смотреть по сторонам, встряхнула свой баллончик и принялась брызгать краской на бортики горки, на металлические опоры ближайшей качели, на ограду площадки. Каждая блестящая капля становилась крошечным источником отражённого света, создавая хаотичную, мерцающую сетку. Тени забеспокоились, их движения стали дёрганными, будто растерянными.

Но на улице продолжало темнеть, и из мрака материализовывались всё новые создания страха. Там, куда ещё не добрались Прохоровы, тени стали сливаться в более крупные, вовсе непроглядные пятна, которые уже не боялись отдельных бликов. Воздух окончательно заледенел, обжигая нос и губы при дыхании.

***

В какой-то момент Лёва оказался слишком далеко от Сони с фонарём и почувствовал, как на него волной накатывает знакомая, удушающая апатия: «Зачем бороться? Всё бессмысленно. Всё кончится плохо». Почти сразу и животворный огонёк в руках дочери потускнел, несколько раз предостерегающе моргнул, указывая на недостаток заряда. Девочка замерла, прижалась спиной к деревянному борту «кораблика», опустилась на корточки, закрывая голову руками.

«Нет! Ей нельзя это чувствовать!»

– Сонь! – из последних сил рявкнул Прохоров, бросаясь к ней. Выхватил фонарь из безвольной ладошки, вновь принялся реанимировать батарею. – А классного же кота мы вчера встретили, скажи? Рыжего, здоровенного!

Тени обступили их уже вплотную, оставив лишь крохотный пятачок, подсвеченный то ярко вспыхивающим, то вновь тускнеющим огоньком ручного светильника.

Девочка подняла голову. Её глаза были полны слёз, но при взгляде на отца в них мелькнула живая искорка.

– А… а ещё мы потом шаверму ели, и тебе майонез из неё в лицо брызнул… – ей удалось выдавить бледную, едва заметную улыбку.

– Она от этого менее вкусной не стала! – Лёва фыркнул. – А помнишь, как ты в шесть лет притащила с дачи лягушку и поселила её в тазу? Мы её ещё три дня потом по всей квартире искали.

– Ну кто же мог знать, что ей не понравится мой террариум! – хихикнула Соня. Её голос окреп, слёзы высохли. – А помнишь, как мы с тобой в прошлом году вместе учились на коньках кататься?

– Да уж, забудешь такое! – Прохоров широко улыбнулся. Ох, и насчитались же они потом синяков! Но было правда весело.

Они стояли спина к спине, вспоминая забавные моменты из жизни, а тени вокруг постепенно бледнели. Они питались страхом, а им подло подсовывали радость. Всё равно, что кормить солёными огурцами того, кто надеялся получить шоколад.

Дома снова стали ближе, а фонари у подъездов – ярче. Даже лютый потусторонний холод сменился обыкновенной весенней прохладой, заставляющей зябнуть только тело, но не душу.

И вдруг, будто по щелчку пальцев, последние остатки страха отступили, и Прохоровы ясно осознали, что остались на площадке одни. Поодаль запиликал домофон. Долговязая фигура в растянутых трениках и распахнутой куртке потащила пакеты к мусорному баку. На первом этаже громко захлопнулась форточка.

Лёва полез в карман за «Крикуном». Тот больше не трясся. Лежал себе спокойно на ладони, чуть тёплый и, кажется, даже довольный. Соня, всё ещё резковато и нервно, вытянула смартфон, развернула приложение Аудиторов. Жёлтая отметка над площадкой гласила: «Стабилизированный инцидент: прорыв теневых паразитов. 26 марта 2026 года, смотрители: Прохоровы Л. и С.»

– Ух ты, нас прямо в приложении упомянули! – восхитилась девочка. – Мы молодцы!

Они ещё раз оглядели площадку, покрытую блестящими, нелепыми рисунками. В свете уличных фонарей казалось, что те мерцают сами по себе.

– Надо бы это всё оттереть, пока совсем не присохло, – неуверенно сказал Лёва. Больше всего ему сейчас хотелось домой, в тепло.

– А может, оставим? – Соня явно тоже нагулялась на неделю вперёд. – Мы ведь ничего плохого не нарисовали! Пусть дети думают, что тут феи порезвились.

Они переглянулись и устало, воровато побрякивая полупустыми флаконами с краской, побрели домой.

***

Родной подъезд встретил борцов с нечистью дивным запахом свежих пирожков с капустой. Он был настолько живым и плотным, что в животах сразу заурчало, а сердца забились быстрее. Как выяснилось – не зря: запах шёл из их квартиры.

В коридоре лампочка была экономно погашена, зато на кухне горел свет, и вместе с ароматом выпечки оттуда долетал оживлённый голос Колясика:

– Анна Петровна, ну вот вы же понимаете: это элементарное нарушение норм! Можно даже сказать, ущемление прав жильцов! Я им так и говорю! А они мне…

– Ещё чаю, Коленька?

– Да, пожалуйста. Так вот, они мне отвечают, мол, комиссия никаких отклонений от нормативов не выявила…

Лёва с Соней оставили верхнюю одежду в прихожей и, переглянувшись, прокрались к двери, словно лазутчики. Когда субтильный студент-философ входил в раж, отстаивая ущемлённые – по его мнению – права и свободы окружающих, связываться с ним было себе дороже. Обсуждение могло затянуться до глубокой ночи, перемежаясь сомнительными стихами и длинными пространными цитатами из трудов известных мыслителей.

Бабу Нюру это, впрочем, ничуть не смущало. Она деловито сновала между плитой и большим общим кухонным столом, сейчас аккуратно укрытом не привычной цветастой клеёнкой, а отглаженной белой скатертью. Посередине стояло огромное блюдо с румяными пирожками, а в духовке явно готовилась следующая партия.

Тощий, как жердь, Колясик, в очках с толстыми линзами и растянутом свитере неопределимого цвета сидел в уголке у окна и вещал об очередных своих подвигах, активно жестикулируя надкусанным пирожком.

Как раз когда он набирал воздух для очередной длинной тирады, в животе у Сони громко заурчало. Шпионы оказались демаскированы. Пришлось заходить и смущенно здороваться.

– О, Лёвонька, Сонечка! – обрадовалась баба Нюра. – Садитесь скорее, пока всё горячее! Я уж заволновалась, что вы куда-то с ночёвкой уехали. А я, как обычно, наготовила на целый полк…

– Да-да! – подхватил Колясик. – Присоединяйтесь. Я жажду воззвать к вашей гражданской сознательности! – его речь, как обычно, была экспрессивной, напыщенной и безнадёжно далёкой от реальности. – Вы же наверняка видели подозрительные пятна на стене у нас в подъезде между первым и вторым этажом? Кто знает, что это? Может быть – чёрная плесень? Я уже составил обращение в три инстанции, но они, видите ли, не хотят принимать никаких мер. Понимаете, требуется коллективная подпись, весомость… Я уже набросал обращение от жильцов дома, нужно только добавить имена!

– Так пятна-то не чёрные, – пожал плечами Лёва, споласкивая руки под краном и незаметно косясь на Гармонизатор. Всё нормально, синий. – Наверняка просто у уборщицы из ЖЭК-а какая-то новая ядрёная химия. Спасибо, Анна Петровна! – он тоже устроился за столом и с наслаждением принюхался.

– Может, и химия! – ещё больше вдохновился студент. – А состав-то нам её неизвестен! Вдруг она ещё хуже плесени?

– Коленька, пирожок-то доешь! Стынет, – мягко прервала его баба Нюра. – Слава Богу, времена нынче не революционные. Уж ты бы, Коленька, без дела не остался. Сонечка, а вы с папой чего такие помятые? Приключилось что?

– Не-е, – помотала головой Соня, уже успевшая затолкать в рот целый пирожок. – Фпафибо, Анна Петфовфна, офень фкуфно!!!

Прохоров посмотрел на дочь укоризненно, но ласково, и замечание про болтовню с набитым ртом делать не стал. Они, в конце концов, только что выстояли в эпической битве с исчадиями из другого измерения. Ест, улыбается, и ладно.

Но надо, конечно, подумать, как оградить дочку от подобных малоприятных приключений в будущем. Одно дело – промакивать Лету на собственной кухне газетками и совсем другое – выходить на бой с монстрами. Это вам не бодренький сериал «Сверхъестественное». Делать из десятилетнего ребёнка охотника на нечисть – нет уж, увольте!

– Так чего? – уже без пафоса, но с надеждой спросил Коля, умиротворённый, видно, ласковым теплом капустного пирожка. – Будете подписывать моё обращение?

– Николай, – вздохнул Прохоров, припомнив серьёзного, но явно изрядно потрёпанного жизнью и издержками бюрократии Карла. – Моя гражданская ответственность бдит, честно. Но мне кажется, пара еле заметных разводов на стене – не повод отвлекать жилищные службы от более важных дел. Они свою работу выполняют.

– Недостаточно ответственно и быстро! – взвился Колясик, так и не донеся до губ кружку с чаем.

«Собрать, что ли, ему этого мирта иномирового? Он, вроде, обладает успокоительным эффектом…»

– А ты, Коленька, возьми, да и устройся к ним работать после университета, – посоветовала баба Нюра, наконец тоже устраиваясь за столом. – Вот и покажешь там всем, что значит служебное рвение.

– Я… как-то иначе видел свой дальнейший жизненный путь, – смутился Колясик.

– Будете жить в бочке на площади, как Диоген, и говорить всякие мудрые вещи? – поинтересовалась Соня.

Лёва чуть не поперхнулся чаем. Он мог бы поклясться, что это – нахальный, неприкрытый сарказм, но лицо десятилетней дочери оставалось ангельски-невинным.

Коля залился краской. Даже оттопыренные уши заалели, будто сейчас загорятся. Но на сём его революционный пыл окончательно угас. Надолго ли? Вряд ли.

Разговор незаметно свернул на безобидные темы. За окном мирно и ровно светили фонари, в кухне было тепло и уютно. Повторно наполнялся и свистел старенький чайник. Медленно пустела тарелка с пирожками, а они всё говорили и говорили, делясь забавными и поучительными моментами из жизни, строя планы на грядущее лето. Будто и не соседи по комму-

налке, а большая дружная семья. Это был тот самый «яркий свет», способный прогнать любые страхи и тревоги – простой, человеческий, домашний. Самый сильный противник любой тьмы.

***

Разошлись только ближе к полуночи. Лёва отправил Соню спать, а сам ненадолго задержался на кухне, чтобы помочь бабе Нюре с уборкой.

Когда он открыл дверь в комнату, то услышал, как дочь в темноте разговаривает по телефону:

– Да, мам, всё здорово… Нет, совсем не скучно… Мы с папой очень хорошо проводим время… Да, честное слово! Ну ладно, спокойной ночи!

По лицу Прохорова расплылась тёплая, непривычная улыбка.

Что ему монстры, прорывы из других Вселенных и гном-бюрократ со своей каменной скрижалью! Он, Лёва, снова нужен дочери. А может быть – и целому миру. Это ли не счастье?

Глава 5

Серый, пасмурный, типично питерский дневной свет пробивался меж плотных пропылённых штор, которые у Прохорова никогда не доходили руки постирать. Стрелка на часах уверенно ползла к двенадцати, но было невыразимо приятно лениво валяться под теплым одеялом, прислушиваясь к сопению Сони из дальнего угла комнаты. Утро после битвы с тенями казалось удивительно мирным и тихим. Ровно до того момента, пока «Крикун» на прикроватной тумбочке не издал тоненький противный писк.

«Да что ж это – теперь каждый день так будет?» – мысленно ужаснулся Лёва и, зажав камень в руке, выскочил в коридор. Прямо как был: в пижамных штанах с редисками и босиком.

Дочка пусть ещё поспит. С новой неприятностью он разберётся сам, и желательно – до её пробуждения. А потом, как ни в чём не бывало, разжарит сырники из морозилки, и они замечательно проведут грядущий день. Без всяких монстров и коллапсов Вселенной.

Кстати, что же приключилось на этот раз?

Инженер подозрительно огляделся по сторонам. Коридор выглядел пристойно, насколько это возможно для старенькой коммуналки. Ну, по крайней мере, никакие бесы из щелей не лезли.

«Крикун» в руке перестал верещать почём зря, но продолжал нервно вибрировать. Ругнувшись сквозь зубы, Прохоров вернулся в комнату за смартфоном. Приложение Аудиторов он вчера перед сном всё-таки установил, но пока в нём не копался. По счастью, оно само вывело на экран всплывающее уведомление:

Предупреждение. Сектор 7Б. Объект: «Шерстяной вихрь». Класс угрозы: 2 (дестабилизирующий). Локация: Квартира 12, источник – жилец Анна Петровна Чижова. Время обнаружения: 11:47. Статус: Активный. Рекомендации: Немедленная локализация. Опасность разрастания до уровня «поглощение объекта».

Вот это самое «поглощение объекта» Лёве очень не понравилось. Он натянул первую попавшуюся футболку, сунул ноги в тапки и, на ощупь приглаживая волосы, неуверенно двинулся к комнате соседки.

Что она там начудила? И, самое главное, как он сам будет ей объяснять свои попытки «локализовать» явление? И хоть бы инструкцию дали, как в прошлый раз! А то вертись сам, как знаешь! Тьфу!

От вчерашнего умиротворения не осталось и следа.

Набравшись духу, Прохоров постучал в дверь. Ему не ответили. Он заколотил громче. Сердце в ушах громыхало в такт. А что, если этот самый «вихрь» уже что-то сделал с бабулькой? И есть ли на такой случай какой-нибудь разумный способ объясниться с полицией?

Наконец внутри раздались шаркающие шаги, и в щели приоткрытой двери появился настороженный бабкин глаз вкупе с краем цветастого турецкого халата.

– Лёвонька? Ты чего расшумелся? Беда какая?

– Анна Петровна? Вы в порядке? – глупо выдавил Лёва, пытаясь заглянуть в комнату за спиной соседки.

– В порядке, Лёвонька. Да чего ты суетишься-то? – пенсионерка приоткрыла дверь шире. Ни шерстяного, ни вообще какого-либо другого вихря за её спиной не наблюдалось. – Сплю я! – чуть виновато добавила она. – Вязала всю ночь, увлеклась. Вот и прикорнула.

– В-вязали? – выдавил инженер. Это уже вполне походило на источник проблемы. – А… можно посмотреть, что получилось?

Бабка окинула его долгим странным взглядом. Прохорову захотелось провалиться сквозь землю от идиотизма ситуации. Но остатки его достоинства спас странный звук, доносящийся из коридора. Тихий шелест. Его можно было и не заметить, но тишина, повисшая в воздухе после дурацкого вопроса, была столь плотной, что игнорировать вклинившийся в неё чужеродный шорох оказалось невозможно.

Не сговариваясь, оба повернулись к двери в ванную.

– Мать честная! – ахнула баба Нюра. – Это же моё вязание. Чего это оно, а?

Из щели под дверью медленно, но решительно, выползал ковёр. Ну, или что-то очень похожее. Пушистая, плотная, переливающаяся всеми оттенками бежевого, серого и коричневого субстанция с явно заметными петлями и узором «колбасками». Она мягко стелилась по линолеуму и в её толще что-то периодически вспыхивало, будто электрические искорки.

Запахло тёплой чистой шерстью. Описывать этот аромат тому, кто никогда не получал в подарок связанные вручную носки из овечьей пряжи, бесполезно, но это был именно он.

– Это жилеточка, – тихо пробормотала баба Нюра. – Будущая. Только спинка. Я её вчера намочила, как довязала, чтобы нитки доуселись. Да там и оставила. Это что же, она так растянулась?

Пенсионерка начала было переобуваться в коридорные тапки с явным намерением самостоятельно усмирить разбушевавшуюся «жилеточку», но Лёва остановил её:

– Погодите, Анна Петровна. Тут дело посложнее. Я вам потом объясню, ладно?

– Лёвонька, а может быть, это всё мне просто снится? – с надеждой уточнила соседка.

– Да наверняка! – с энтузиазмом поддержал её Прохоров. – Вы идите лучше в комнату, а я тут разберусь.

– Ну уж нет, – баба Нюра решительно вцепилась в дверной косяк. – Я посмотрю! Это – очень интересный сон.

Ещё раз мысленно выругавшись, инженер пригляделся к вязаному творению. Оно вылезло в коридор уже сантиметров на сорок и явно не собиралось заканчиваться.

Свет и позитивные эмоции против такой штуки наверняка окажутся бессильны. А вот что-нибудь острое? Наверняка ведь вязание нужно просто распустить!

Лёва рванул на кухню, схватил первый попавшийся нож и, осторожно подступив к свитеру, принялся резать его: наискось, поперёк, как попало, испытывая неожиданную жалость и стыд.

Вязание было мягким, тёплым, уютным. В него хотелось завернуться, пережидая остатки затяжной питерской зимы, а вовсе не портить. Да и баба Нюра ведь с ним всю ночь возилась, старалась, а он сейчас всё это кромсает. Натуральный злодей!

Усилия, меж тем, никакого эффекта не возымели. Нитки, будто живые, срастались вновь. Искорки меж толстых петель продолжали сновать в прежнем ритме. Хорошо хоть оно сопротивляться не начало… Бывают ли у вышедших из-под контроля «жилеточек» зубы и когти?

– Пап? – в коридоре появилась Соня, встрёпанная и помятая со сна, но вполне благодушная. – Тебе помощь нужна?

Лёва вздохнул. Вот тебе и «справился сам».

– Там в этой нашей приложухе случайно не появилась инфа о том, как усмирять взбесившиеся свитера? – пропыхтел он, продолжая своё бессмысленное и откровенно варварское занятие. Вязание хотя бы прекратило заполнять коридор, тратя силы на заращивание дыр.

– Не-а, – развела руками дочь. – Я первым делом уведомление посмотрела, когда проснулась. Наверно, штука не очень страшная, и они решили, что мы сами разберёмся.

– А техподдержка у них есть? – сердито рыкнул Прохоров, неаккуратно оцарапав палец. Руки уже заметно устали, а Жилеточке, кажется, даже нравилась новая игра.

– Да ты через «Крикун» позвони, – посоветовала Соня, с интересом наблюдая за его мучениями. – Давай я тебя пока сменю.

– Ладно. Только с ножом аккуратнее, он острый.

– Да уж знаю, не маленькая! – фыркнула дочь. Осторожно погладила шерстяную поверхность. – Мягонькая! Жалко.

– Мне тоже, – признался Лёва. – Но что делать? Она иначе тут всё заполонит.

«Карл! – мысленно воззвал он, сжав сигнальный камень в руке. – Карл! Позарез нужна ваша помощь!»

Как ни странно, ответ пришёл не через камень.

***

Прямо из воздуха с тихим хлопком соткалась знакомая низкорослая фигура в строгом костюме. В отличие от прошлого раза, Карл выглядел изрядно помятым. Галстук-бабочка перекосился и встал почти вертикально, под глазами гнома залегли тёмные круги, а в его руке вместо привычного планшета исходила паром огромная кружка с сердечком, в котором можно было разглядеть полустёршуюся надпись «Квантовая Стабильность».

– Кто-о потревожил мой покой? – грозно прогудел Аудитор, выдержал театральную паузу и широко ухмыльнулся: – Я гляжу, тут у вас Вязаный Пожиратель второго класса? Интересно. Редкая штука.

– Было написано «Шерстяной Вихрь», – пискнула Соня. – Здравствуйте.

– Да это – одно и то же, по сути, – отмахнулся Карл и сделал большой глоток из кружки, распространяя аромат лимона и мяты.

– У нас там в приложении нет никаких рекомендаций по борьбе с этой штукой, – сдержанно заметил Лёва, разминая натруженные в битве с мега-свитером руки и стараясь сдержать раздражение. «Интересно» ему, видите ли. Чаёк он хлебает, успокоительный!

– Согласен, наш недочёт, – вздохнул гном. – Система всё ещё несовершенна. Данные об аномалиях собирают и заводят в неё такие… несобранные существа…

– Какие? – сразу заинтересовалась Соня.

– Ну… – Аудитор неопределённо повертел свободной рукой в воздухе. – Вы вот «фиксиков» знаете?

Прохоровы синхронно кивнули.

– Ну, вот, совсем не такие.

Дав собеседникам пару секунд на переваривание сей бесценной информации, Карл продолжил:

– Шерстяной вихрь такого типа очень сложно остановить. Лучше будет его перенаправить. Это – неразумная сущность из измерения, где материя имеет текстильную природу. Просачивается в местах сильной эмоциональной привязанности к вещам, созданным вручную. Питается ностальгией и нежеланием расставаться со старым. В данном случае, – он бросил взгляд на бабу Нюру, застывшую у дверей своей комнаты как безмолвный часовой, – объектом привязанности, судя по рисунку вязки, является одежда. Я бы даже предположил, что не сама одежда, а пряжа, из которой она сделана. Верно, сударыня?

Анна Петровна вздрогнула, будто приходя в сознание. Смущённо потупилась. Что-то такое было в этом привычном обращении Карла «сударыня», что будило в пенсионерке если и не совсем молодую девицу, то по крайней мере, красивую женщину, падкую на комплименты и восхищённые взгляды.

– Да, точно, – тихо призналась она. – Это я распустила свою тёплую кофту. Мне её давным-давно муж из командировки привёз. Ангорка. Хорошая, уютная. А я, дура, её и не носила толком, берегла непонятно для чего. А тут вчера посмотрела, в чём Коленька ходит, да и стала распускать. Дай, думаю, жилеточку ему свяжу. Не пропадать же хорошей вещи! Спинка уже готова была к утру…

– Благородный порыв, – покивал Карл. – Но только уж очень сильно вы были к ней привязаны. И она вас теперь тоже отпускать не хочет. Если не остановить процесс, то она покроет тут всё сплошным слоем, погрузив жильцов в очень уютный и о-очень долгий сон.

– Так и что делать? – в один голос спросили Лёва с дочкой.

Карл вздохнул, передал кружку Анне Петровне и достал из портфеля… спицы. Длинные, алюминиевые, блестящие и совершенно обыкновенные с виду.

– Нужно связать портал. Смотрите внимательно, показываю один раз. Впрочем, вы вряд ли столкнётесь с таким явлением повторно. В общем, сущность инстинктивно потянется к активному, родственному ей, созидательному процессу. Мы дадим ей форму, направление и выход в подходящее измерение.

– Вы умеете вязать? – поразилась Соня.

Прохорова гораздо больше интересовало, как Аудитор будет настраиваться на нужное измерение, но вид нарядного гнома со спицами действительно сбивал с толку.

– Аудитор Вселенных должен быть готов ко всему, – с достоинством ответил Карл. – Лев, ваша задача – обеспечить материал для портала. Сударыня, у вас ведь ещё осталась пряжа от той самой кофты?

– Да-да, – пенсионерка резво переобулась в домашние тапки и скрылась за дверью. Пошуршав там с полминуты, она вернулась с большим рыхлым клубком: – Хватит, или ещё распустить нужно?

– Думаю, этого будет достаточно, – степенно кивнул Карл. – Разматывайте по чуть-чуть, чтобы не запуталась и не порвалась!

Спицы замелькали в его неожиданно ловких руках словно серебристые молнии. Соня ухватила клубок и стала потихоньку разматывать его, подстраиваясь под темп гнома. Лёва и баба Нюра с интересом наблюдали за происходящим.

Услышав слово «портал», Прохоров ожидал увидеть нечто округлое, с дырой посередине. Но Аудитор вязал обыкновенное плоское полотно. Пока оно выглядело просто как заготовка широкого шарфа.

Шерстяная масса, оставленная в покое, тем не менее заинтересовалась его трудом. Сперва притихла, будто приглядываясь, а потом потянулась к замершей в коридоре компании. Пушистые щупальца осторожно, почти ласково, коснулись уже дотянувшегося до пола края вязания Карла. Электрические искорки побежали быстрее, добираясь до рук гнома, но тот, кажется, совсем не обращал на них внимания.

Постепенно ползучая ангорка заискрилась целиком, а в середине стала и вовсе полупрозрачной. Впрочем, знакомого линолеума под ней уже не было. Пространство в этом месте слабо мерцало плотным серым туманом, сквозь который изредка удавалось различить мягкие разноцветные очертания непонятных объектов.

Из дыры в пространстве пахло деревенским летом: овечьим молоком, луговыми травами и бесконечным покоем. Вязание трепетало по краю волшебного марева, но проваливаться в него совсем не спешило.

– Почти готово, – устало сообщил Карл. На лбу у него блестели бисеринки пота. Видимо вязание портала было не столь простым делом, как выглядело со стороны. – Анна Петровна, подойдите, пожалуйста!

Пенсионерка нерешительно приблизилась на пару шагов.

– Вам нужно отпустить её. Не обязательно вслух. Просто мысленно поблагодарите за память и попрощайтесь. Иначе якорь не исчезнет, и портал затянет всё, включая нас.

Баба Нюра закрыла глаза. По морщинистой щеке скатилась одинокая слезинка.

– Спасибо тебе, кофточка, – почти беззвучно прошептала она. – Спасибо за тепло и память… Но тебе пора. Иди домой.

Вязание, напоследок лизнув тапки старушки, как большой ласковый пёс, стало сползать в иной мир. Туда же покатился изрядно исхудавший клубок. Карл одним резким движением сбросил петли со спиц и отправил следом. Минута, и портал, схлопнувшись до размеров яблока, ярко мигнул напоследок и с треском исчез.

В коридоре стало тихо. Остался лишь едва различимый запах нагретого солнцем поля и тихая всеобъемлющая грусть.

Гном вытянул из нагрудного кармана белоснежный платок и вытер лоб.

– Вы поступили правильно, сударыня, – тихо сказал он бабе Нюре. – Не печальтесь. Дело ведь не в кофте. А былые моменты и воспоминания никто и никогда у вас не отнимет.

Движением заправского фокусника он выудил из-за спины большую оранжевую розу и вручил смутившейся пенсионерке, забрав у той из рук свою кружку. С сомнением понюхал остывший чай и уже совсем другим, деловым, тоном обратился к Прохоровым:

– Инцидент ликвидирован. Редкая аномалия, класс 2. Совсем неплохо для первой рабочей недели.

– Так мы же, в общем, ничего и не сделали сами, – расстроилась Соня.

– Тут наш недочёт, что у вас не было инструкции, – приободрил её Карл. – Я ответственным за это дело хвосты-то поднакручу! И, между прочим, бумажная работа по вашему вчерашнему подвигу – совершенно самостоятельному! – уже в процессе. Ожидайте благодарность. Уведомление появится в приложении.

Он наконец заметил перекосившуюся бабочку, поправил её. Кашлянул, и будто бы нехотя добавил:

– Лев, вы справляетесь лучше, чем я ожидал. Для новичка – вполне достойно. Это не значит, что нужно расслабляться: Константа всё ещё шатается. Но если вы продолжите в том же духе, скоро станет легче.

И, с уже знакомым тихим хлопком, он исчез.

– Чайку надо попить, – решительно сообщила баба Нюра. – И поговорить. Вы блинчики будете?

– Анна Петровна, ну что вы, – попытался отпереться Лёва. – И так нас вчера пирожками кормили. Неудобно.

– Неудобно – на потолке спать, – решительно остановила его пенсионерка. – Хотя, сдаётся мне, и такое теперь у нас в квартире может приключиться. А разговор у нас будет долгий, на пустое брюхо его не дело вести.

– А может, вы всё-таки ещё подремлете? – предпринял очередную жалкую попытку Прохоров. – Вязали ведь всю ночь…

– Левонька, ну, дуру-то из меня не делай, – укоризненно покачала головой соседка, помахивая подаренной розой. – Давай уж ты расскажешь начистоту: что это такое тут у нас происходит, почему, и как именно ты этому поспособствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.